

СИБИРСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ДИАЛОГ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ОСВОЕНИЕ СИБИРИ XVII–XX ВЕКОВ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Под редакцией
Е.Е. Дмитриевой, О.Б. Лебедевой,
А.Ф. Строева

Александр Янушкевич
(Национальный исследовательский
Томский государственный университет)

СИБИРСКАЯ ФРАНКОФОНΙΑ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Что скрывается за понятием «сибирская франкофония»? Вероятно, можно легко вычленил в нем имагологический аспект, связанный с формированием образа Сибири во французской словесной культуре. Уже сложнее обстоит дело с компаративистским текстом, так как ярко проявленных сибирско-французских литературных или культурных связей в общем контексте русско-французских отношений выделить почти невозможно, поскольку сам процесс становления, формирования, распространения культуры и общественной мысли Сибири прихотлив и в большей степени, как в зеркале, отражен в общерусской культуре и российском имперском мышлении и связан с ними, воспринимая и трансформируя определенные компаративистские модели.

И все-таки рискнем предположить, что феномен сибирской франкофонии существует и включает в себя как синхронический, так и диахронический срез. Образы дикой сибирской природы, руссоистские проекции в восприятии сибирских народов как «детей природы», антропологизация сибирской истории периода покорения Сибири — так сказать, «ермаков сюжет», отзвуки событий петровской эпохи и времен царствования Екатерины II, Отечественной войны 1812 года и эпохи «гражданской экзальтации», судеб декабризма и, наконец, обширный метатекст русской словесности, воссоздающий атмосферу сибирской ссылки — все это способствует становлению сибирской франкофонии, в которой факты, извлеченные из разных источников, озвучены через голоса французских путешественников, миссионеров, просветителей, писателей, мемуаристов и неожиданно получают своеобразный отзыв.

Диалогизация явления сибирской франкофонии — это оригинальное многозвучие, своеобразная «Сибирская симфония». Созданная совместными усилиями как французских авторов, так и их русских оппонентов, подражателей, читателей, переводчиков, она постепенно получает полифоническое звучание. Сибирская тема во

французской рецепции обретает свою музыку через ее беллетризацию и театрализацию. Фония сибирского текста во Франции актуализирует трагедийное звучание, ибо в судьбах ссыльных (от Меншикова до декабристов) представители сибирской франкофонии последовательно выявляли общефилософские экзистенциальные проблемы исторического выбора, существования человека в экстремальных условиях ссылки и каторги, общественно-политический пафос столкновения личности и власти. Идеи французских просветителей, прежде всего Вольтера и Руссо, концепции французских историографов 1830-х гг. способствовали формированию методологии сибирской франкофонии. Одним словом, сибирская франкофония, не получив еще статуса терминологического понятия, существует как историко-культурное и общественно-философское явление, свидетельством чего является ее диахрония, то есть жизнь в большом пространстве исторического времени.

Не претендуя на полноту воссоздания истории сибирской франкофонии, попытаюсь обозначить некоторые узловые моменты этого явления, обратившись к «выбранным местам» из французской словесной культуры второй половины XVIII — первой половины XIX вв. с проекцией на реалии сибирской жизни.

В своем фундаментальном исследовании «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.» академик М.П. Алексеев в ряду 49 авторов называет и 5 французских, приводя фрагменты из их сочинений, но в общем «Введении» к этим материалам их вклад в открытие образа Сибири оценен автором достаточно скромно: в формировании своего варианта сибирского текста французы явно уступают итальянцам, англичанам, голландцам и особенно немцам¹. Этому были и объективные причины, но главное — отсутствие ярко выраженной мировоззренческой установки, утилитарный подход к фактам.

Принципиальный сдвиг в сознании французских авторов и в становлении сибирской франкофонии происходит в эпоху Просвещения, в горниле Великой французской революции. Трагедии Морана, Дюбуа-Фонтанеля, Маршана и Нугаре, Дора, Лагарпа. Дюсиса и др. на сюжеты сибирской истории, появившиеся в период 1740-х — 1800-х гг., как убедительно показал П.Р. Заборов, не только воссоздавали русско-сибирский колорит, но и актуализиро-

¹ Подробнее см.: *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарий. Изд. 3-е. Новосибирск, 2006. С. XLVIII–LXIII.

вали общественно-философский подтекст идей Вольтера, Руссо, Монтескье, Левека². Герои этих трагедий, прежде всего Меншиков, озвучивали образ сибирской ссылки, топосы Тобольска, Березова, Иртыша конструировались не столько как реалии имагологического текста, сколько как духовное и историческое пространство изгнания, ссылки, угнетения и беззакония. Инвективы героев в адрес «московского двора» как обиталища «заговоров, козней, вероломства», городов как символа «ненавистных тюрем» и воспевание самоеда, «дитяти этих пустынь», который «свободный, наедине с природой, наслаждается покоем и беспредельным простором», произнесенные голосами известных парижских актеров, в том числе и Тальма, исполнявшего роль Федора, ссыльного сына главнокомандующего русских войск Романова в трагедии Жана-Франсуа Дюсиса «Федор и Владимир, или Сибирское семейство» (1800), не могли не получить отклика во французских сочинениях о Сибири. От литературы путешествий французские авторы шли (сошлемся здесь на концепцию Андреаса Шёнле³) к травелогу авторского самосознания, к травелогу сибирской франкофонии. Постепенно сибирский текст обретал во французской словесной культуре историософский подтекст.

Не имея возможности пространно говорить о первом образце этого жанра — «Путешествии по Сибири аббата Жана Шаппа д'Отроша» (1768), напечатанном Французской академией по рекомендации Д'Аламбера, подчеркнем только методологически значимый для проблемы сибирской франкофонии момент. Сочинение Шаппа вызвало резкую ответную реакцию Екатерины II.

В своем «Антидоте» (своеобразном «Противоядии»), написанном в 1780 г., она прежде всего увидела в авторе идейного противника. Инвективы по поводу политического строя России (так, говоря о жителях Сибири, аббат констатирует: «Рабы самодержавного строя, они жестоко эксплуатируются местной властью»⁴), административных злоупотреблений и несовершенного законодательства («<...> из-за

² Подробнее см.: Заборов П.Р. Трагедия Дюсиса «Федор и Владимир, или Сибирское семейство» // Русско-европейские литературные связи: Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М.П. Алексева. М.:Л., 1966. С. 263–270.

³ Шёнле Андреас. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790–1840. СПб., 2004.

⁴ Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761... Par M. l'abbé Chappe d'Auteroche de l'Académie royale des Sciences. A Paris, 1768. Т. 1. Р. 161. Перевод и комментарий см.: Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968. С. 207.

отдаленности Сибири от двора правда доходит до трона редко; поэтому губернаторы безгранично пользуются властью»⁵ вызывают нескрываемое раздражение российской императрицы, автора «Наказа». Давая общую оценку книги, она характеризует ее следующим образом: «Этот набор нелепостей, противоречий, клеветы, плоскостей, бессмыслиц, злобных выходов <...>»⁶, а на первой странице обеих книг своего «Антидота» воспроизводит символическую виньетку, которая «изображает Каина, стоящего с палицею над убиенным Авелем, возле которого лежит Адамова голова»⁷. Так один из ярчайших образцов сибирской франкофонии конца XVIII в. обретает «лица неობщье выраженье» на общем фоне сибирской имагологии: в нем отчетливо звучит голос предреволюционной Франции и идеология французского Просвещения. В контексте пугачевских событий диалог аббата Шаппа и Екатерины II и образ Сибири обретают общественно-политический подтекст.

Любопытным выражением этой тенденции становится появившийся в 1788 г. «Исторический журнал путешествия г. Лессепа, Консула французского, находившегося при Графе Перузском в должности королевского переводчика <...>». Участник знаменитой экспедиции Лаперуза, Жан-Батист Лессепс включил в свой журнал и путешествие по «южной стороне Сибири». Никакой политической крамолы в нем не содержится, но «бывают странные сближения». Осенью 1787 г. автор журнала оказался в Томске, где встретился с военным комендантом города, бригадиром русской армии, французом по происхождению Томасом (Томасом Томасовичем) де Вильнёвом. Эта встреча обрадовала Лессепа. Как напишет он в своем журнале: «Казалось мне, что я перенесен во Францию»⁸. Почти ровно через три года с Вильнёвом встретится проезжающий через Томск в сибирскую ссылку автор «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищев. По воспоминаниям сына Радищева Павла о «ласковом приеме», оказанном «бунтовщику», встреча закончилась совместным запуском во дворе комендантского дома на Воскресенской горе воздушного шара монгольфьера, бывшего символом молодой Французской республи-

⁵ Ibid. P. 156. См. также: *Зиннер Э.П.* Указ. соч. С. 209.

⁶ Осмнадцатый век. Исторический сборник, изд. Петром Бартевым. Кн. 4. М., 1869. С. 231.

⁷ Там же. С. 463. Комментируя эту виньетку, П. Бартев вопрошает: «К чему эта виньета? Не выражает ли она мысли о братоненавидении, коим проникнута книга аббата Шаппа о России?»

⁸ Лессепово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири. Перевод с французского. Ч. III. М., 1809. С. 201.

ки и свободы человеческого духа и негласно запрещенного в России. По пути в Томск Радищев остановился на полгода в Тобольске, где, как явствует из письма к А.Р. Воронцову от 8 марта 1791 г., получил «Путешествие» Лессепа и почти сразу же прочел его⁹. Вероятно, томская встреча с Вильнёвом активизировала его интерес к этому сочинению и, как сейчас уже доказано, он сделал его перевод, появившийся без имени переводчика в 1802 г.¹⁰

Так к началу XIX в. франкофония обретает свои отзвуки в большом контексте сибирской жизни, сопрягая тексты французских путешественников с рефлексией их русских читателей. И если Екатерина II своим «Антидотом» заклеила французское вольнодумство, то ее заклятый враг, ссыльный Радищев запуском монгольфьева шара в компании с французским вольтерьянцем и переводом Лессепова путешествия, которое было составной частью его большого замысла «Записок путешествия в Сибирь», негласно реабилитировал общественно-политический подтекст сибирской франкофонии.

Важным этапом в истории сибирской франкофонии стало появление в 1806 г. романа популярной в России французской писательницы Софи Коттен «*Elisabeth, ou Les exilés de Sibérie*», уже в 1807 г. переведенного на русский язык под заглавием «Елисавета Л*, или Нешастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного»¹¹ и с подзаголовком «Истинное происшествие». В течение 1808–1824 гг. этот перевод был опубликован еще 4 раза (в 1808, 1810, 1816 и 1824 гг.; в издании 1816 г. в заглавие было внесено дополнение: «возвращенного, в благополучное царствование Александра I»¹². Кстати, во Франции этот роман имел второе издание в 1828 г., уже после российских декабрьских событий 1825 г. и драматических историй жен декабристов, последовавших за мужьями в Сибирь.

В основу сюжета этого произведения г-жи Коттен положена жизнь и судьба Прасковьи Григорьевны Лупаловой (Луполовой), дочери сосланного Павлом I в 1788 г. прапорщика: в 1804 г. она пешком из Ишима дошла до Петербурга и вымолила у Александра I прощение отцу. После этого героиня решила уйти в монастырь,

⁹ Радищев А.Н. Сочинения. М., 1988. С. 559.

¹⁰ Подробнее см.: Лебедева О.Б. А.Н. Радищев в Сибири: взгляд извне и изнутри // Диалог культур: Поэтика локального текста. Горно-Алтайск, 2014. С. 128–133.

¹¹ Характерно, что в переводе замену имени героини (Елизавета вместо Прасковьи) компенсировали намеком на ее реальную фамилию: Лупалова (Л*).

¹² См.: Сводный каталог русской книги. 1801–1825. Т. 2. М., 2007. С. 229–230. № 3752–3756.

но вскоре умерла от скоротечной чахотки¹³. В России эта история получила свое художественное воплощение уже в 1805 г. На страницах журнала «Друг просвещения» (1805. Ч. 2. № 4. Апрель. С. 39–41) очерк под заглавием «Нечто о девице Парасковье Григорьевне Лупаловой» сопровождался стихами к ее портрету, начинавшимися характерными словами: «Для добродетели какой прелестный вид!...». На страницах журнала «Аглая», издателем которого был П.И. Шаликов, было опубликовано «Письмо англичанина из Петербурга 6 января 1807», переведенное из французского журнала. В этом письме автор рассказывал о своей встрече в Санкт-Петербурге с девушкой – прототипом героини романа С.Р. Коттен «Елизавета...» (1808. Ч. 2. Апрель. С. 69–74).

Роман Софи Коттен поистине стал бестселлером. Достаточно сказать, что по его мотивам были созданы мелодрама Дорво, драма Пиксерекура, опера Доницетти¹⁴. Наконец в 1815 г. появилась повесть русского француза Ксавье де Местра «Молодая сибирячка», наиболее адекватно воссоздававшая суть «истинного происшествия» и вернувшая героине подлинное имя. На ее основе Н.А. Полевой позднее напишет пьесу «Параша-Сибирячка», поставленную в 1840 г. на сцене Александринского театра с Варварой Асенковой в главной роли. Заметим, что в пушкиноведении делалась попытка соотнести повесть Местра с сюжетом «Капитанской дочки»¹⁵.

Оставляя в стороне все перипетии этого сюжета сибирской франкофонии, заметим, что это действительно был важный прорыв в ее истории. Беллетризация сибирской темы во французской словесной культуре способствовала ее антропологизации, следствием которой стало одомашнивание и очеловечивание образа сибирской жизни и ее жертв. Любопытно, что известные «Воспоминания Полины Анненковой», урожденной Гебль, француженки по происхождению, жены сосланного декабриста Ивана Александровича Анненкова, последовавшей за ним в Сибирь, имплицитно включают в себя эти элементы антропологической франкофонии. История создания исторического романа А. Дюма «Записки учителя фехтования», сюжет которого восходит к его встрече с героиней воспоминаний, где

¹³ Подробнее см.: *Савченкова Т.П.* Прасковья Луполова в действительности и художественном воображении // Ишим в литературе. Век XIX: Очерки по литературному краеведению и тексты-архивы. Ишим, 2004. С. 5–110.

¹⁴ Показательно, что отрывки из него входили в учебные пособия для французских школьников. За эту информацию приношу свою благодарность А.Ф. Строеву.

¹⁵ См., например: *Тахо-Годи М.А.* «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра // Дарьял. 2004. № 4. С. 140.

говорится о встрече Полины Гебль с известным в Петербурге фехтовальщиком, французом Огюстьеном Гризье, достаточно отрефлексирована в литературоведении. Загадочным остается превращение Полины Гебль-Анненковой в Прасковью Егоровну Анненкову, вызывающую в памяти образ Параша-сибирячки и ее историю. Любопытно, что обе героини оканчивают свой жизненный путь в Нижнем Новгороде.

Одним словом, к началу XIX в. сибирская франкофония вполне определила свои рецептивные модели. Ее тексты входят в общественное сознание и рождают диалог культур, то, что можно определить как Сибирь извне и Сибирь изнутри. Происходит антропологизация текстов через их драматургические и беллетристические модели. Все эти модификации франкофонии способствуют постепенному, но последовательному становлению и формированию сибирской интеллигенции как определенного культурного сословия. Своеобразным репрезентантом этого процесса становится история первых сибирских журналов, так называемых сумароковских изданий, вышедших в Тобольске в 1789–1794 гг.: «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» (1789-1791) и «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (1793-1794. Ч. I–XII).

Исследования Ю.С. Постнова, В.Д. Рака, М.Г. Альтшуллера, Ю.Д. Левина, З.Н. Трусовой, Т.И. Рожковой и др. прояснили многое в их общественной позиции, определили место в литературном процессе, круг сотрудников и выявили роль переводов на их страницах. Пять лет журналистской деятельности П.П. Сумарокова — это целая эпоха в эстетическом просвещении, это, образно говоря, Великая французская революция в литературной и культурной жизни Сибири. Не случайно такое место занимает на страницах этих журналов французский текст. Замысел обозреть комплекс вопросов, касавшихся, по терминологии XVIII в., «истории человека», вполне удался авторам. Как убедительно показал В.Д. Рак, переводы из книги Вольтера «Законы философии Ньютона» и речи французского просветителя Кондорсе объективно способствовали распространению идей французского Просвещения¹⁶.

Не случайно личность и творчество Вольтера оказываются в центре французских публикаций. Своеобразным эпиграфом к ним стано-

¹⁶ Подробнее см.: Рак В.Д. Переводы в первом сибирском журнале // Очерки литературы и критики (XVII–XX вв.) / Материалы к истории русской литературы Сибири. Новосибирск, 1976. С. 32–66.

вится следующий анекдот о нем в «Библиотеке ученой...» в разделе «Статья увеселительная: Разные анекдоты и острые шутки»:

Когда Волтер приехал в последний раз в Париж, то по обыкновению, остановили его на заставе, и спрашивали, не было ли чего в повозке его запрещенного. «Господа, отвечал — он им, — кроме меня, нет здесь ничего запрещенного»¹⁷.

За этим анекдотом следуют еще подобные три «острых шутки», каждая из которых способствует очеловечиванию образа Вольтера и вместе с тем выявляет революционный подтекст его мысли. В общем контексте переводов из Руссо (статья «О душе»), стихотворения Вольтера «О умеренности во всем», эстетических трактатов, в том числе драматургической части «Принципов литературы» Шарля Баттё¹⁸ с оригинальными критическими вкраплениями размышлений о русском театре и «отце Российского театра» А.П. Сумарокове вольтеровский текст способствовал выявлению общепросветительской и гражданской позиции редакции первых сибирских журналов. В атмосфере событий Великой французской революции эти издания продолжали общие традиции сибирской франкофонии.

Развитием антропологической ее тенденции станет судьба сосланных декабристов. Их творческое наследие периода сибирской ссылки, круг чтения, переводческая деятельность, мемуаристика, эпистолярный, осмысленные как оригинальная экзистенциальная семиосфера и этико-философская концептосфера, позволяют констатировать: сибирская франкофония обладала той жизненной энергией, которая стала конденсатором глубинных взаимосвязей русской и французской культур в ее сибирском варианте. Достаточно всмотреться в творческие искания Вильгельма Кюхельбекера, Александра и Николая Бестужевых, Михаила Лунина, Александра Бригена, чтобы почувствовать генетический код этого явления.

Вот лишь один пример. В постдекабристскую эпоху, когда, казалось бы, русская мысль ушла в подполье, французская историография эпохи Реставрации компенсировала вынужденные лакуны в подцензурных общественно-политических рассуждениях. Имена Гизо, Минье, Баранта, Тьерри входили в общекультурный обиход.

¹⁷ Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей... Тобольск, 1793. Ч. 3. С. 244.

¹⁸ См.: Янушкевич А.С. Проблемы критики в первых сибирских журналах // Литературная критика в Сибири: Сборник научных трудов. Новосибирск, 1988. С. 52–54.

Достаточно вспомнить историософское содержание мыслей Жуковского, братьев Тургеневых, Пушкина, Белинского, Герцена. «Во глубине сибирских руд» труды и идеи этих историков были востребованы в такой же мере и осмыслены с такой же глубиной проникновения в них. Так, декабрист Бриген в письме к Жуковскому из Кургана от 19 июня 1847 г. дает такую характеристику личности Гизо и его исторического значения:

После великого переворота, сделанного в историографии г-ном Гизо, давшим совершенно новое и неоспоримо лучшее направление этой отрасли словесности, почти все сочинения о всеобщей и всемирной истории более или менее устарели...¹⁹.

Как и другие декабристы, Бриген способствовал развитию народного просвещения Сибири. И здесь сочинения французских прогрессивных педагогов получили свою реализацию. Под руководством сосланного Бригена учитель Курганского мужского училища Александр Худяков перевел книгу известного французского публициста и общественного деятеля Жозефа-Мари Дежерандо «Нормальный курс для первоначальных наставников, или Руководство к физическому, нравственному и умственному воспитанию в первоначальных школах», изданную в Петербурге в 1833 г. Бриген высоко ценил сочинения Дежерандо, которые «вселяют любовь к истине и добру»²⁰, и рекомендовал их своим дочерям.

Михаил Лунин надеялся передать через сестру свои оппозиционные, крамольные «Письма из Сибири», написанные на французском языке, для публикации и распространения во Франции. Долгое время бытовала даже версия о парижском издании лунинского «Разбора донесения тайной следственной комиссии...»²¹.

И подобные примеры можно множить. Сибирская франкофония обретала новое дыхание. Но это уже другой разговор. Очевидно одно: история сибирской франкофонии ждет своих летописцев и исследователей... На повестке дня — системное изучение этой проблемы. Думается, материалы данного издания будут этому способствовать.

¹⁹ Бриген А.Ф. Письма. Исторические сочинения. Иркутск, 1986. С. 225.

²⁰ Там же. С. 147.

²¹ См.: Ожунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1962. С. 230–237.